

димейдами и инсталляциями. При этом апт-арт был достаточно инклюзивным направлением: он привлекал художников, работавших в различных техниках, объединенных лишь невозможностью существовать в официальном галерейном контексте. Вторая часть доклада была посвящена собственно современным техникам архивирования этого искусства, а именно ресурсу «Russian Art Archive», патронируемому музеем современного искусства «Гараж», и менее масштабному, но также важному персональному сайту Сергея Летова, где опубликованы многие материалы, касающиеся нонконформистского искусства.

Завершил конференцию доклад *Марины Гербер* (Гамбургский университет, Германия) «*Фактография: дальнейшее чтение “Коллективных действий”*», в котором предлагалось прочитывать акции группы через призму предложенного Франко Моретти понятия «дальнейшее чтение», предполагающего не последовательное герменевтическое толкование всех возможных контекстов произведения (то есть собственно «близкое чтение»), а его автоматизированный анализ, основанный на наборе формальных критериев, которые на первый взгляд могут казаться более или менее случайными. По словам докладчицы, указание на возможность дальнего чтения акций «Коллективных действий» было сделано уже самим Андреем Монастырским: так, в акции «Картины» (1979) зрителям были розданы двенадцать комплектов, в каждом из которых было двенадцать конвертов с описаниями всех возможных вариантов проведения акции, рассортированные по двенадцати категориям — от времени и места действия акции до погоды и цвета конвертов. Классификация, предложенная в этой акции, составляет своего рода матрицу для будущего дальнего чтения всего массива акций. Кроме того, докладчицей было предложено первое приближение к дальнему чтению акций: подсчитана частотность акций по годам, построен график погодных условий для летних акций — все эти данные легко извлекаются из томов «Поездок за город» и, хотя сейчас воспринимаются скорее иронически, в будущем могут стать основой для более детального исследования.

Кирилл Корчагин

Международная конференция
**«Война и советская повседневность:
новые источники и интерпретации»**

(НИУ ВШЭ, 21–22 октября 2021 года)

DOI: 10.53953/08696365_2022_176_4_403

21–22 октября Институт советской и постсоветской истории НИУ ВШЭ провел международную научную конференцию «Война и советская повседневность: новые источники и интерпретации». Мероприятие прошло в гибридном формате (часть зарубежных участников выступала по видеосвязи) и объединило представителей разных научных дисциплин: от филологов, историков литературы и театра до исследователей, специализирующихся на истории тяжелой промышленности и снабжения в годы Второй мировой войны. Ключевое понятие в названии конференции — «повседневность». История повседневности — это относительно новая

отрасль исторической науки, ставшая частью «антропологического поворота», который сопровождался переносом внимания исследователей с глобальных политических и экономических процессов на частную жизнь «простых» (непримечательных с точки зрения власти и глобального исторического контекста) людей. Этот поворот привел к возникновению новых направлений в исследовании советской истории. Часто под повседневностью понимается прежде всего история быта, его трансформация в экстремальных условиях, а также изучение таких аспектов жизни, как потребление, дефицит, голод, жилищный кризис. Однако все больший интерес у историков вызывает и исследование ментальности, психических реакций человека на окружающую действительность и ее изменения, способы адаптации и стратегии выживания. Основной идеей мероприятия стало обобщение и дополнение исторического знания об опыте жизни человека в экстремальных условиях войны, попытках его адаптации и трансформации жизненного мира.

Первая секция конференции была посвящена материальной истории войны. Ее открыл Олег Хлевнюк (НИУ ВШЭ, Москва) докладом «Снабжение в СССР в годы войны: нормирование и рынок». В выступлении он подчеркнул, что в этот период широкое распространение получили рыночные или «квазирыночные» элементы системы. Это являлось результатом, с одной стороны, политических уступок государства, а с другой — массовых стихийных социальных практик выживания, которые формально были криминализованы. В промышленности ресурсов, предусмотренных централизованной системой снабжения, было недостаточно, поэтому помимо нее широкое распространение получили полулегальные (по распоряжению руководителей разных уровней) и нелегальные методы их распределения. Происходило развитие частных крестьянских и огородных (в случае городских жителей) хозяйств, наблюдалось некоторое увеличение их площадей. Показательно, что в 1945 году в колхозах и совхозах насчитывалось 4,6 миллиона коров, а в личных хозяйствах — 18 миллионов. Кроме того, период войны стал эпохой расцвета спекуляции, криминального посредничества между советской системой снабжения и потребителем, «мешочничества» — доставки из сельской местности и обмена продовольствия на товары первой необходимости — и некоторых других практик. Власти даже готовы были идти на некоторые уступки, например осенью 1942 года было легализовано мешочничество, если перевозилось до 16 килограммов на человека. «Реакционный откат», наступивший после окончания войны, затронул и сферу экономики: была инициирована отрезка земель личных крестьянских хозяйств, «чистка» коопераций, частных промыслов, торговцев, администраторов кооперативов, спекулянтов. В ходе дискуссии по итогам доклада исследователи обсудили приоритеты советской экономической политики и системы снабжения военного времени. Вновь прозвучала мысль, ранее высказанная рядом исследователей (Дональд Фильцер, Венди Голдман, Уильям Москофф и др.) о том, что спасение жизней советских граждан в ситуации кризиса военного времени «было делом рук самих советских граждан».

Далее последовало выступление Никиты Мельникова (Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Екатеринбург) на тему «Промышленность Урала в условиях ресурсного дефицита военного времени». С началом войны из-за эвакуации заводов уральский регион стал одним из основных производителей вооружений в стране, и правительство поставило цель создать здесь, как и в ряде восточных областей СССР, новые предприятия. Комиссия по мобилизации ресурсов Урала на нужды обороны под руководством академика В.Л. Комарова спрогнозировала увеличение добычи угля в два раза уже в 1942 году, однако в реальности к этим цифрам удалось приблизиться только к концу войны. Аналогичным образом получилось с электроэнергетикой: из-за дефицита топлива и его низкого ка-

чества долгое время вырабатывался ток пониженной частоты. Роста производства черных и цветных металлов, запланированного комиссией, добиться так и не удалось. Уралмаш, основной производитель бронекорпусов для танков в стране, вынужден был увеличить свои мощности в несколько раз и в результате перегрузок в первой половине 1943 года оказался под угрозой остановки работы. Докладчик обратил внимание на несоответствие планов руководства СССР и реальных факторов производства, на рост аварийности и брака: увеличения объемов производства удавалось добиться только за счет резкого снижения качества продукции. Военная промышленность поглощала основную часть ресурсного обеспечения, тогда как гражданские предприятия снабжались по остаточному принципу, и, в свою очередь, не могли выполнить собственные обязательства перед военными производствами. Только с середины 1943 года военная техника начала постепенно становиться более качественной.

Завершающим докладом секции стало выступление *Марка Эли* (Национальный центр научных исследований, Франция / НИУ ВШЭ, Москва) на тему «*Перенос сельскохозяйственных площадей на восток в годы войны и его влияние на развитие послевоенной экономики*». Выступающий отметил, что кампании по освоению целины в 1950-е годы предшествовали три других крупных попытки развивать сельское хозяйство на территории Казахстана: в ходе Столыпинской реформы (тогда четверть крестьян уехала), во время первой пятилетки (создание крупных зерносовхозов также оказалось неудачным опытом), и, наконец, в годы Великой Отечественной войны. С одной стороны, в последний названный период развитие сельского хозяйства в Казахстане было явно вызвано прагматическими соображениями: 47% посевных площадей СССР было оккупировано нацистами, и необходимо было компенсировать потери. Даже в 1944 году объем сельскохозяйственной продукции составлял лишь 70% от довоенного времени. С другой стороны, в некоторых документах, регламентировавших расширение посевов, прослеживается более глубокая мотивация, напоминающая об идеях экономистов 1910—1930-х годов о необходимости освоения казахских степей по климатически допустимому максимуму. Докладчик планирует продолжить свое исследование, чтобы понять, какую роль этот фактор сыграл в решении об освоении целинных земель в годы войны.

Вторая секция, «Новые источники по истории войны», была открыта выступлением *Дмитрия Спорова* (фонд «Устная история», Научная библиотека МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва) на тему «*Устная история повседневности фронта и тыла Великой Отечественной войны*». По его словам, частная память о войне и в советское время, и сейчас воспринимается как некая оппозиционность большой истории, или «большому нарративу», она стала своего рода пространством личной свободы. Если сравнивать тыловые и фронтовые воспоминания (первых неосозмеримо больше), то можно заметить, что каждый свидетель говорит о чуде: он смог выжить. В их повествованиях есть «пространство чудесного», пространство памяти людей, прошедших через эвакуацию, плен, тяжелую работу. Для тыловых воспоминаний характерен опыт атомизации, то есть своего рода отстранения от государства: человек предоставлен сам себе, в связи с чем стратегии личного выживания выходят на первый план. Во фронтовых воспоминаниях, напротив, прослеживается опыт «свободы, равенства, братства», связанный с упоминаемым респондентами (во многом иллюзорным) чувством «освобождения» от давления государства. Общим для фронтового и тылового поколений стало переживание «катастрофы» — травматичные переживания, сохранившиеся на всю жизнь.

Доклад *Олега Будницкого* (НИУ ВШЭ, Москва) «*История войны онлайн*» был посвящен подходам к использованию электронных баз данных и материалов, размещенных Министерством обороны России. Особое внимание докладчик уделил

ресурсу «Подвиг народа», где размещены отсканированные копии наградных документов. Всего таких записей 12,5 миллиона, тогда как за весь период Великой Отечественной войны на фронте успело побывать 34,5 миллиона человек. В отличие от других армий, в Красной армии все награды были индивидуальны. В документы вписывали анкетные данные, краткий послужной список, ранения, прежние награды и описание подвига. Эта база данных стала, с одной стороны, летописью доблести советских солдат и офицеров, а с другой, по выражению Будницкого, — «гигантским фугасом, заложенным под советский героический нарратив». При просмотре наградных листов становится очевидно, что число уничтоженных солдат и офицеров противника не только превосходит их реальное количество в несколько раз, но и превышает численность населения Германии. Очевидные преувеличения в наградных листах не отменяют подвига, однако в том, что в реальности произошло в каждом конкретном случае, нужно разбираться. Часто базой пользуются для того, чтобы уточнить устный рассказ очевидцев. Однако в таком случае возникает вопрос: что первично — рассказ или архивный документ? Обычно историки считают, что архивный документ важнее. Но есть неоднозначные примеры. Так, красноармеец Александр Пригаро, герой высадки Эльтигентского десанта в 1943 году в Крыму, в интервью говорил, что уничтожил примерно 26 солдат и офицеров противника, а в его представлении к званию героя Советского Союза это число было увеличено в два раза. Также в документах можно найти множество сведений о повседневности. Например, в представлении к награде капитана интендантской службы Самуила Остапенко отмечается, что он организовал изготовление «котелков для красноармейцев, используя консервные банки — им было сделано до 500 шт.». Из этого можно понять, что в ноябре 1942 года в Красной армии была тяжелая ситуация со снабжением. В целом базы данных оказываются очень ценным источником, однако при их использовании необходимо понимать «язык войны» и всегда обращаться к первоисточникам.

Завершающий доклад в рамках секции, «Семейная переписка как средство микроменеджмента продуктового дефицита», сделала Мария Майофис (НИУ ВШЭ, Москва). Докладчица представила на примере жизни своих бабушки и дедушки, Иосифа Марковича Майофиса и Марии Лазоревны Уряшзон, микромир семейной экономики военного времени. В 1944 году Иосиф Маркович оказался в Уфе по долгу службы, а Мария Лазоревна — в Москве, поэтому и завязалась переписка, в которой представлен колоссальный спектр коллективных (семейных) стратегий выживания эпохи позднего военного времени. Ученый-инженер стал предприимчивым «дельцом», чтобы помочь своей семье выжить в условиях тяжелой повседневности войны. Будущий сотрудник НИИ кабельной промышленности Москвы и автор ряда книг предстает в докладе фермером, выращивающим картофель и продающим его на рынке, «мешочником», покупающим масло на станциях близ Уфы и отправляющим его в Москву для обмена на иные продукты, и, наконец, красильщиком тканей на продажу. Резюмируя свой доклад, Мария привела цитату социолога Алексея Левинсона: «...временное отсутствие государства у привыкших к его доминированию субъектов приводит не к аномии и развалу общества, а к включению альтернативных или резервных программ поведения».

Третья секция конференции, «Война, идеология и культура», открылась выступлением Александра Головлева (НИУ ВШЭ, Москва). В докладе «Победители и побежденные: музыка как средство культурной дипломатии в послевоенный период» он рассказал об истории советских «культурных наступлений» в Европе. Советский Союз, пытаясь вызвать симпатию населения и сформировать положительный образ «русских», организовывал различные культурные мероприятия на

завоеванных территориях. Похожую тактику еще в 1941—1942 годах использовала нацистская Германия. В 1945 году ансамбль Игоря Моисеева вслед за советскими войсками отправился в Финляндию (и выступал в день подписания мирного договора), а затем и в Центральную Европу (Румыния, Болгария, Чехословакия), а в 1946 году — в Венгрию, Австрию, Югославию и Польшу. Вскоре к нему присоединились солисты Большого театра и другие ведущие советские артисты. СССР также демонстративно поддерживал национальную культуру освобожденных стран. В июле 1945 года в Вене советские офицеры разыскивали артистов местного филармонического оркестра с целью назначить их на административные должности учреждений культуры города; одновременно реставрация культурной жизни шла в приказном порядке в Берлине и других городах. В отсутствие насильственной культурной советизации (по крайней мере до 1947 года) и провала денацификации советская дипломатия пыталась извлечь символический капитал из русской классики, которая впоследствии органически влилась в экспорт социалистического реализма. Головлев отметил, что при изучении проблематики культурного взаимодействия обнаруживают свои границы нарративы «большой истории», характерные для изучения политической истории и пропаганды, а важным инструментом является реверсия иерархий (в пользу «побежденных»), вытекающая из исследований в новейшей культурной социологии.

Со следующим докладом, «*Осмысление повседневного насилия в военной поэзии Юрия Белаша*», выступил *Илья Кукулин* (НИУ ВШЭ, Москва). Юрий Белаш — поэт-фронтовик, чьи стихи относительно много публиковались в 1980-е годы и сейчас регулярно перепечатываются в антологиях «поэзии о Великой Отечественной войне». Этот автор родился в 1920 году и всю войну прошел в пехоте от Москвы до Берлина. После демобилизации Белаш окончил Литературный институт и стал малопримечательным советским критиком. В 1967 году он начинает писать стихи, которые долгое время не могли быть опубликованы в советской печати, но стали известны в кругу фронтового поколения. Первый его сборник вышел только в 1981 году. Последние годы своей жизни Белаш вел социопатический и нищенский образ жизни и в 1988 году покончил с собой, перестав есть. В своих ранних стихах поэт во многом шел за стилистикой двух авторов, известных своими стихотворениями о войне — Александром Твардовским и Борисом Слуцким. Но постепенно в его произведениях проявляется радикализация содержания и поэтики, которая внешне выражалась во все большей концентрации шокирующих подробностей жизни на фронте, «низкой военной повседневности». У него были весьма необычные для русской поэзии формы верлибра, до сих пор не описанные, для которых сам Белаш использовал термин «стихопроза». Его описания военной повседневности можно назвать отказом от телеологизации: главными приемами в изображении «окопных будней» стали отказ от предписанного смысла, неизбежной героизации и «предчувствия» верной победы, а значит, нарушение «табу». Белаш был одним из немногих поэтов, который пытался создать эстетизированный, хоть и через «антиэстетику», образ советской повседневности, на основании того, что сегодня бы назвали антропологической рефлексией.

Следующим в рамках секции выступил *Геннадий Эстрайх* (Нью-Йоркский университет, США / НИУ ВШЭ, Москва). В докладе «*Советская литература и еврейские писатели в годы войны*» автор охарактеризовал географию советской еврейской литературы в 1920—1940-е годы. Сразу после Октябрьской революции, после утраты Варшавы и Вильно, самым заметным центром еврейской литературы на советской территории стал Киев. Однако в 1920-е годы большая группа литераторов поселилась в Москве. Их привлекала и особая атмосфера творческой свободы, и возможность заработка и публикаций. До 1938 года в Москве в двух уни-

верситетах даже можно было получить образование на еврейском языке. Кроме того, в столице работали советско-еврейские издательства, самым известным из которых было «Эмес», просуществовавшее до 1948 года. В столице функционировали четыре еврейских театра, здесь можно было найти работу на радио, а также в ряде организаций, не связанных с искусством. Репрессии 1930-х годов весьма незначительно затронули как московскую, так и украинскую советско-еврейскую литературную среду. В Белоруссии же, напротив, в результате чисток была уничтожена вся верхушка и значительная часть еврейских литераторов, появившихся в Минске после революции. В 1934 году, когда создавался Союз писателей СССР, в его рамках были созданы еврейские секции, что было отступлением от стандартов, так как организация строилась по территориально-административному признаку. Во время войны эти секции практически растворились в новой структуре Еврейского антифашистского комитета. В этот период произошла концентрация советско-еврейской литературной среды вокруг Москвы, которая, однако, тоже была впоследствии разгромлена. Только литераторы, выросшие в рамках киевской группы, после периода репрессий и войны продолжили свою деятельность вплоть до 1991 года.

Завершающая секция первого дня конференции была посвящена военному плену и охватила положение как советских, так и немецких военнослужащих. Об опыте последних в докладе «*Немецкие военнопленные в советских лагерях: проблемы адаптации и коммуникации*» рассказал Александр Кузьминых (Вологодский институт права и экономики ФСИН РФ). СССР в годы войны было пленено и интернировано 5,5 миллионов иностранных граждан, из них примерно 4,5 миллионов помещены в места постоянного или временного содержания (лагеря военнопленных). Исследователь предложил междисциплинарный подход к вопросу и охарактеризовал разные аспекты жизни немецких военнопленных: от феномена пленобоязни и первого «культурного шока» после попадания в лагерь до трудностей адаптации к мирной жизни после возвращения. В ходе дискуссии после доклада Кузьминых, обсуждался вопрос специфики немецкого лагерного опыта. Эли отметил, что советские заключенные в советских лагерях тоже страдали от голода и тяжелого физического труда: описывая опыт военнопленных как уникальный, можно невольно признать «нормальной» жизнь советских заключенных. Кузьминых подчеркнул, что у немецкого лагерного опыта было много специфических черт: военнопленные оказались в другой культурной среде, страдали из-за языкового барьера, непривычного рациона (питание, который получали солдаты вермахта на фронте, разительно отличалось от лагерного), в их отношении велась пропаганда «антифашистских» взглядов и, наконец, у большинства из них был опыт возвращения домой и последующей адаптации. Людмила Новикова (НИУ ВШЭ) резюмировала, что при сравнении советского и немецкого плена нужно учитывать, как жило окружающее население. Условия жизни и рацион свободных советских граждан могли не сильно отличаться от таковых у немецких военнопленных. Положение же красноармейцев в плену было существенно хуже.

Тему развил Майкл Дэвид-Фокс (Джорджтаунский университет, США / НИУ ВШЭ, Москва) в докладе «*Были ли лагеря для военнопленных инструментом геноцида? Немецкие лагеря для военнопленных в Смоленске как места голодной смерти и набора личного состава*». Согласно устоявшейся в литературе оценке, к концу войны в нацистских лагерях для военнопленных скончались около 3,3 миллиона человек¹. Ряд исследователей причисляют деятельность этих инсти-

1 Штрайт К. «Они нам не товарищи...»: Вермахт и советские военнопленные в 1941—1945 гг. М., 2009. С. 8.

тугов к актам геноцида², однако, по мнению докладчика, обсуждения этого подхода уводят от решения именно исторических исследовательских задач. Проанализировав деятельность нацистских лагерей для военнопленных в Смоленской области, Дэвид-Фокс пришел к двум основным выводам. Во-первых, с октября 1941 года, когда стало понятно, что война с СССР не будет молниеносной, центры заключения начали восприниматься не только как инструмент уничтожения (в основном через голодную смерть), но и как способ набора рабочей силы. Во-вторых, на примере Смоленска можно наблюдать синергию разных волн насилия с лета 1941-го по лето 1942 года: холокоста, лагерей для военнопленных и войны с партизанами. По мнению исследователя, эти процессы имели сходство и их нужно изучать в совокупности.

Второй день конференции открыла секция «Война на советской периферии», посвященная некоторым аспектам советской политики в союзных республиках. Дмитрий Головач (НИУ ВШЭ, Москва) выступил с докладом «Низовая культурная дипломатия: кампания по переселению в Советский союз в Польше, 1944–1947». В рамках этой кампании более полумиллиона человек, в основном этнических белорусов и украинцев из Восточной Польши, никогда ранее не имевших советского гражданства, были переселены на союзную территорию. Этот эпизод не укладывается в некоторые устоявшиеся концепции, описывающие советский режим, согласно которым к концу 1930-х годов в СССР были созданы «плотные границы» (Сабин Дюллен) и установилась «советская ксенофобия» (Терри Мартин). Переселение этнических белорусов и украинцев из Польши преподносилось как «возврат на национальную родину». Традиционные для СССР пропагандистские концепции того времени — «русоцентризм» и культ Сталина (Дэвид Бранденбергер) — мало подходили для выходцев из Польши. Поэтому чтобы привлечь население, акцент делался на промышленной мощи Советского Союза, которая демонстрировалась в ходе поездок делегаций крестьян на территорию страны. Также использовались образцово-показательные переселения и демонстрация специально снятого пропагандистского фильма «На родной земле» (1945). Однако вскоре после начала кампании по переселению поток добровольцев иссяк. Среди основных причин, которые привели к неудаче, докладчик назвал обмен информацией с теми переселенцами, которые столкнулись с тяжелыми условиями послевоенной жизни в СССР. Важную роль сыграла и деятельность Украинской повстанческой армии, агитировавшей против переселения. После выступления Эли обратил внимание на то, что докладчик не стал подробно освещать польско-украинский конфликт, важными эпизодами которого стали «Волынская резня» и операция «Висла». В этой связи возникает вопрос, насколько вообще советская пропаганда могла что-то изменить в этих отношениях. Головач согласился, что эти обстоятельства играли важную роль, однако, по его мнению, рассматривать историю Восточной Европы исключительно с точки зрения национализма и этнических конфликтов тоже не совсем корректно. Пропагандистская кампания по обмену населением интересна сама по себе, хотя в итоге абсолютное большинство людей из Восточной Польши и было переселено насильственно.

Следующий доклад, Тимофея Медведева (НИУ ВШЭ, Москва) «Истребительные батальоны НКВД в западных республиках СССР в 1944–1945 гг.», был посвящен некоторым аспектам ресоветизации Украинской, Белорусской ССР и стран Балтии после их освобождения от нацистской оккупации. Истребительные батальоны изначально создавались для борьбы с десантами противника и поддержания

2 См., например: Berkhoff K.C. Harvest of Despair: Life and Death in Ukraine under Nazi Rule. Harvard University Press, 2004.

порядка в тылу, однако на деле их сразу стали привлекать для решения самых разных задач, вплоть до сбора урожая с колхозных полей. Эти подразделения должны были состоять из советского актива, вооружаться пулеметами и винтовками, а руководили ими, как правило, сотрудники НКВД. На территории освобожденных западных республик основными задачами батальонов стали защита населенных пунктов и проведение фильтрационно-проверочных мероприятий. В ряде районов, особенно на территории Западной Украины, были сильны позиции повстанцев-националистов, и батальоны там были нужны для консолидации лояльных государству людей в вооруженные группы.

В докладе *Мехмета Волкана Кашыкчы* (НИУ ВШЭ, Москва) «*Найти смысл в войне: как казахские солдаты воспринимали Великую Отечественную войну*» рассказывалось, что казахи впервые были вовлечены во всесоюзную кампанию и по-настоящему ощутили себя гражданами СССР именно в военное время. Свою роль в этом сыграло участие в боевых действиях, индустриализация Казахстана (туда были перевезены промышленные предприятия с территорий Украины и России), эвакуация и депортации, в результате которых на территорию Казахстана было переселено более миллиона человек. В соответствии со сталинской идеологией «национал-большевизма» (описанной в трудах Дэвида Бранденбергера³), во время войны в Казахстане консолидировался примордиалистский (рассматривающий этнос как изначально заданную общность людей) национальный дискурс. И важную роль в этом сыграла не только пропаганда (которой уделено немало внимания в недавнем исследовании Роберто Кармака⁴), но и сами участники войны. В воспоминаниях и письмах солдат можно встретить много идей о казахской нации, упоминаний героев дореволюционного времени. По словам Кашыкчы, если в российском обществе между официальной версией памяти о войне и мемуарами есть существенная разница, то в Казахстане воспоминания написаны исключительно в милитаристском духе: в них нет акцента на страданиях людей, сопереживаний трагедиям мирного населения, опасений за своих жен и детей. Доклад Кашыкчы вызвал ряд вопросов о том, каким образом казахский и советский «героизм» сочетались в идеологии, ведь многие казахские национальные герои являлись борцами с колонизаторами из Российской империи. Кашыкчы отметил, что несмотря на видимые противоречия, это каким-то образом уживалось в сознании людей.

Следующая секция конференции была посвящена советским судам и системе наказаний в годы войны. Ее открыл доклад *Владислава Рыбакова* (НИУ ВШЭ, Москва) «*А судьи кто? Просопографический портрет сотрудников Наркомата юстиции РСФСР в период войны*». Проанализировав биографии руководителей Наркомата юстиции, Рыбаков отметил, что их карьерный рост был довольно стремительным, а недостатки в образовании компенсировались в глазах их руководства партийным стажем и социальным происхождением. Отличительной чертой руководящего состава наркомата был его молодой возраст при относительно небольшом профессиональном стаже — эти люди оказались бенефициарами сталинской кадровой революции 1930-х годов. В разные годы от 30 до 45% оперативных работников ведомства, которые непосредственно должны были проводить проверки деятельности судов и следить за правильностью применения законодательства, не имели юридического образования. По ряду показателей профессиональная под-

3 См., например: *Brandenberger D.L. National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931—1956. Cambridge, Harvard University Press, 2002.*

4 *Carmack R.J. Kazakhstan in World War II: Mobilization and Ethnicity in the Soviet Empire. University Press of Kansas, 2019.*

готовка проверяющих была ниже проверяемых. В результате не только снижалось качество ревизий, но и происходила дезориентация судей: сотрудники Наркомата юстиции просто не способны были оказать им квалифицированную помощь. Доклад Рыбакова вызвал большое количество вопросов и реплик, в частности Будницкий охарактеризовал сотрудников Наркомата юстиции, как, «в общем-то, злодеев», и спросил, есть ли какие-либо свидетельства «рефлексии по поводу их деяний». Докладчик ответил, что, к сожалению, никаких источников личного происхождения — воспоминаний, дневников — сотрудников этого ведомства ему пока обнаружить не удалось.

О жертвах судебной системы рассказала в своем докладе «*О чем могут рассказать “Книги памяти”? Репрессии против женщин в годы войны*» Людмила Лягушкина (НИУ ВШЭ, Москва). Выступающая остановилась на источниковедческих аспектах использования «Книг памяти» с краткими биографиями жертв политических репрессий в СССР, собранных в единую базу данных международным историко-просветительским обществом «Мемориал»⁵. Анализ этой базы позволил выявить, что в 1941—1945 годах доля женщин среди репрессированных выросла в два раза по сравнению с периодом Большого террора (1937—1938), даже если не учитывать «спецпоселенцев» и депортированных в административном порядке, которых выселяли семьями. Изучение базы также позволили выявить черты социального портрета жертв террора. Предварительный анализ показал, что роль женщин в военное время выросла, и это привело к тому, что их потенциальную «контрреволюционную» деятельность стали воспринимать всерьез и чаще арестовывать.

О другой — малоизученной и не совсем типичной практике репрессий — в докладе «*Отдельные штурмовые офицерские батальоны в 1943—1945 гг.*» рассказал Артем Латышев (НИУ ВШЭ, Москва). С 1943 года из офицеров и командиров Красной армии, попавших в плен и впоследствии вернувшихся, стали формировать отдельные штурмовые офицерские батальоны. В этих подразделениях командный состав Красной армии на правах рядовых стрелков отправляли на самые тяжелые участки фронта. Штурмовые батальоны были сильно похожи на штрафбаты, потому что служба в них предполагалась в течение двух месяцев или до первого ранения, а после этого тех, кто выжил, восстанавливали в звании и отправляли в другие части. Отдельные штурмовые офицерские батальоны не были обеспечены тяжелой техникой. Отвечая на дополнительные вопросы, Латышев отметил, что, если давать какую-то моральную оценку организации этих батальонов, то это было просто «расходование командных кадров», которые были мотивированы продолжать военные действия. Те ветераны, кто был серьезно ранен и не смог вернуться к военной службе в «обычных» подразделениях, оказались в полном забвении и даже не могли причислить себя к уважаемому ветеранскому сообществу.

Наконец, в завершение конференции состоялась лекция специального гостя — Анатолия Шмелева (Гуверовский институт войны, революции и мира, Стэнфордский университет, США) — «*Архивные коллекции Гуверовского института по истории войны и послевоенного периода*». Основатель института, будущий президент США Герберт Гувер, в 1919 году поставил перед ним цель собрать материалы о причинах и последствиях Первой мировой войны. Составители сразу стали интересоваться документами о революции 1917 года в России, и многие деятели белого движения передали в институт свои архивы. С тех пор работа по сбору документов

5 Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал» признано в Российской Федерации некоммерческой организацией, выполняющей функции иностранного агента.

продолжается. Вторая мировая война в Гуверовском институте представлена в коллекциях из самых разных регионов, включая не только Европу и США, но и Китай, Японию и Новую Зеландию. Часть документов посвящена положению на территории Советского Союза в годы войны, в том числе много источников о судьбе перемещенных лиц (остарбайтеров) в ходе Второй мировой войны. В ходе обсуждения выступления больше всего вопросов вызвали практические аспекты работы в учреждении, особенно в условиях пандемии. Шмелев отметил, что ряд материалов архива доступен онлайн, и в целом представление о коллекциях можно получить, воспользовавшись сайтом института⁶.

Таким образом, конференция отразила многообразие подходов к изучению войны, а также доступных архивных материалов и источников личного происхождения для изучения советской повседневности этого периода. Однако поиск новых архивных источников и интерпретаций продолжится.

Людмила Лягушкина, Елизавета Хатанзейская

Эстетика коммунизма. Современные прочтения*

Международная научная конференция
«Эстетика коммунизма: Теории и институции»,
(ИМЛИ РАН, Венецианский университет, 1–3 октября 2021 года)

DOI: 10.53953/08696365_2022_176_4_412

В октябре 2021 года в онлайн-формате прошла международная научная конференция «Эстетика коммунизма: Теории и институции», организаторами которой выступили Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН и Венецианский университет (Università Ca' Foscari Venezia). Конференция была посвящена институциональным измерениям советской литературы, взаимодействию советских эстетических теорий с марксистской оптикой и теоретическому осмыслению истории советских литературных институций. Мероприятие прошло в рамках проекта ««Стенограмма»: Политика и литература. Цифровой архив литературных организаций 1920–1930-х гг.»

Темой первой сессии конференции стали ранние советские эстетические теории и марксизм. Заседание открыл доклад *Ильи Калинина* (СПбГУ) «*Русский социалистический формализм*», в котором исследователь предложил перспективы

6 <https://www.hoover.org/library-archives/collections>

* Обзор подготовлен при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 20-18-00394 ««Стенограмма»: Политика и литература. Цифровой архив литературных организаций 1920–1930-х гг.»